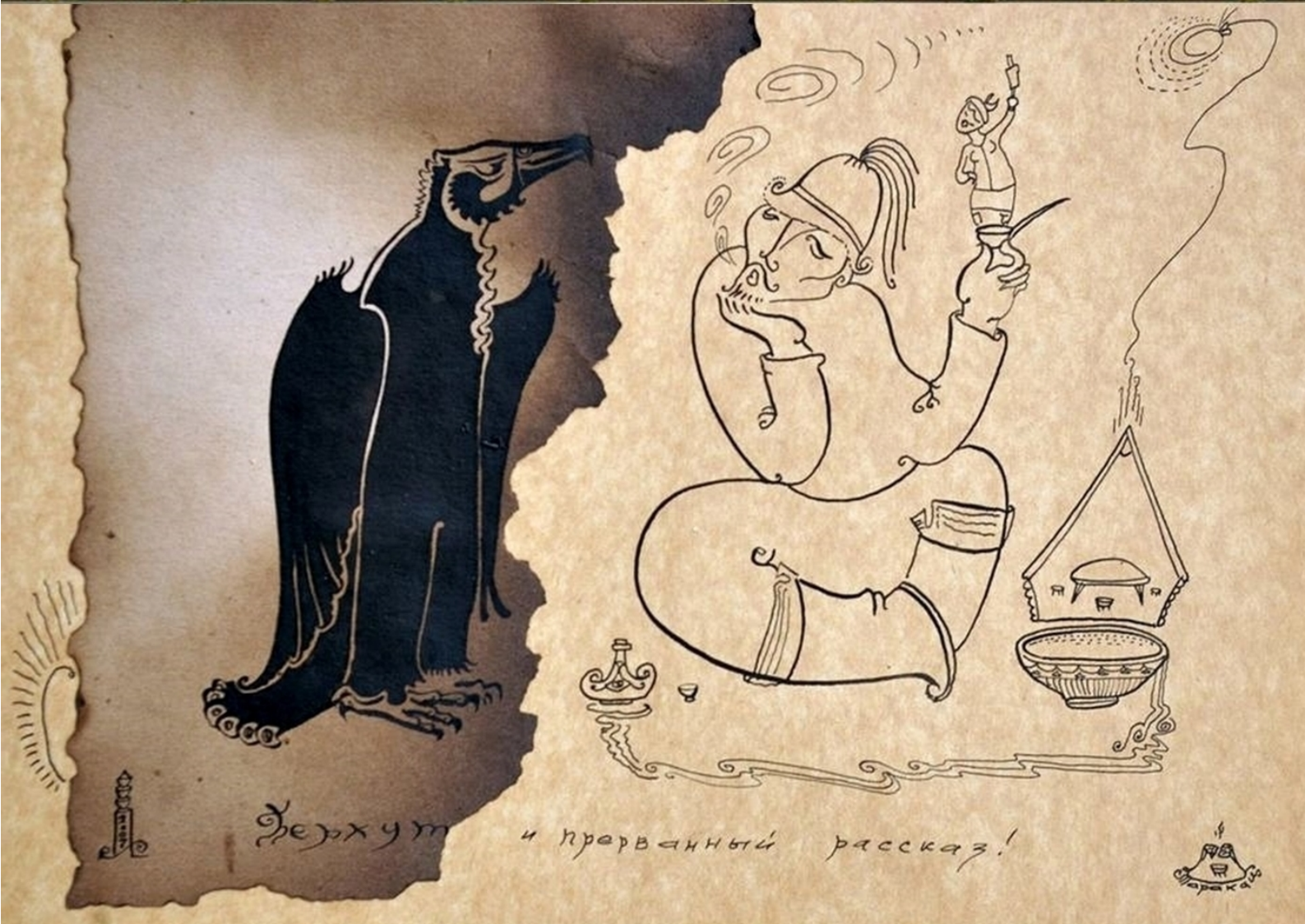

Игорь Муханов

Зерхут

и прерванный рассказ!

Рассказы о художнике Таракае

Игорь Муханов

**Рассказы
о художнике Таракае**

Алтай

2020

Художественный редактор — Алёна Цами

Оригинал-макет — Айсулу Семендеева

© Айсулу Семендеева — оригинал-макет

© Игорь Муханов — текст

Предисловие

Таракай – герой алтайского фольклора, бродяга и весельчак в одном лице. Его любят за добрые дела. Таракай ждут в каждом селе и каждом аиле. О нём рассказывают истории, полные невероятных приключений, у ночного костра. И, кажется, сами звёзды прислушиваются к этим рассказам и светят ярче обычного.

Но Таракай не только вымышленный герой, существующий в рассказах. Он – реальный человек, живущий сегодня на Алтае. Такой псевдоним взял себе художник и поэт Николай Чепок, судьба которого во многом напоминает судьбу фольклорного Таракай.

Николая Чепок знают на Алтае все. И если не видели его рисунков, то слышали истории о нём. Уж очень необычно он живёт. Ходит по Алтаю, как

по родному селу, где все ему знакомы. Кланяясь горам, вершины которых прячутся за облаками, речкам и лесам. Согреваясь у костра своими рисунками, беседуя с птицами и деревьями. Имея над головой единственную крышу, о которой так часто забывает человек, – небо.

О художнике-Таракае ходят многочисленные байки. Одни из них опираются на житейский опыт, другие придуманы людьми, чтоб жилось интересней. Некоторые из этих баек, услышав их от охотников и рыбаков, я поместил в эту книжку, придав им форму рассказа.

Игорь Муханов

От Таракаю земного к Таракаю небесному

Из-за тучки, напоминавшей белую калошу, выглянуло солнце. И берёза, выросшая у дороги, тут же упала в траву. Сплющилась и померкла, растянувшись в длину. Впрочем, осталась стоять на прежнем месте, рассматривая свой контур, похожий на яйцо.

Таракаю заказали нарисовать автобус для журнала «Солоны», выпускаемого в Горно-Алтайске для детей. И обещали заплатить щедро, как платят художникам в Москве. Таракаю не любил рисовать цивилизацию и всячески её избегал. Линейка и циркуль, как он считал, – для инженера. А для художника – арачка, красивая девушка и весна!

Но деньги были нужны. Без них не будет и арачки, и многих других вещей. И Таракаю согласился нарисовать автобус.

А чтобы легче войти в тему, он сел в первый автобус, попавшийся ему на глаза. Как выяснилось позже, автобус ехал в Чемал. А ехал бы он в другое село, разницы не было. В любом селе жили у Таракай друзья, и у каждого из них имелось, чем угостить желанного гостя!

Сидя в мягком кресле, Таракай думал о своём. Ушёл в себя и не заметил, сколько остановок пролетело мимо него. А когда спохватился и выглянул в окно, то увидел самого себя, летящего по небу!

В руке у летящего Таракай был посох, сделанный из ольхи. За посох тонкими нитями были привязаны солнце и луна, кудрявые облака и другие его фантазии. Иные напоминали ярких птиц с петушиным хохолком, разноцветным оперением и павлиньим хвостом!

– Вот чудеса, – удивился Таракай. – И как же мне теперь рисовать автобус – снаружи или изнутри?

Автобус тем временем проехал местечко Аржан-Суу, мелькнула за окнами Усть-Сема, и вскоре показался Чемал, где его встретили друзья-буддисты. С ними художник и провёл этот вечер, рассматривая фотографии, слушая новости, пришедшие из Тибета, и медитируя на дымок, выпускаемый благовониями.

А утром, когда солнце проникло в окно, разбросав на полу кружки, пятна и линии, Таракай взялся

за труд. И нарисовал автобус, ехавший по горе, почти отвесной. Словно бы он ехал в гости к облаку, выпить в его обществе чашку дождя!

И когда Таракая спросили, куда же едет его автобус, он ответил:

– От Таракая земного к Таракаю небесному!

Утренняя медитация в Горно-Алтайске

Каждое утро Таракай медитировал, сидя напротив стены.

Таракай представлял себе вещество, из которого стена состояла, её размеры и вес. Старался узнать, что стена думает о нём, Таракае, какие ей снятся сны и многое другое. Это помогало активизировать внутренние силы, необходимые для совершения медитации.

Как только удавалось это совершить, стена становилась прозрачной как стекло, и Таракай начинал видеть улицу, дорогу и за ней – тополя, растущие рядами. За тополями синели горы, а за горами простиралась другая, уже незнакомая Таракаю местность. В неё нужно было всматриваться, как в тёмный чулан, чтобы разглядеть детали.

Взгляд Таракая проникал всё дальше и дальше, держась на известном расстоянии от земли, наблюдая природный ландшафт и страны. Бульвары, крыши, мосты, летящих птиц и шоссейные дороги. Проникая в земную круговерть, взгляд набирался силы, становился зорким, как у орла. И, описав полный круг, возвращался к стене, перед которой сидел Таракай, наполняя его душу покоем.

На этом утренняя медитация и заканчивалась.

Таким же точно образом медитировал когда-то и Бодхидхарма, основатель дзэн-буддизма и кумир Таракая. Стена у Бодхидхармы была одна и та же, китайского происхождения, помогавшая ему войти в медитативное состояние в течение девяти лет. У Таракая же не было своего дома и своей стены. И поэтому стены в жизни Таракая менялись одна за другой, как дамские сумочки у женщин.

*

Приехав однажды в Горно-Алтайск, Таракай направился к пятиэтажке, находившейся в центре города, в которой жили его знакомые.

Муж и жена, сыгравшие недавно свадьбу, встретили Таракая с радостью, на которую способна только весна. И вскоре уже рассматривали в гостиной комнате, за накрытым скатертью столом, его новые рисунки.

А Таракай в это время вспоминал лучшие минуты своего труда, происходившего на природе. Как лесная малина отливала на солнце синевой, стрекозы наполняли воздух стеклянным блеском, и река Катунь, встречая на своём пути камни, покрывалась за ними узорами, напоминавшими малахит...

Но вот часы, висевшие на стене, пробили полночь. И хозяйева квартиры, постелив Таракаю на диване, простились с ним до утра.

*

Когда Таракай проснулся, было уже светло. Солнце квадратными пятнами лежало на полу гостиной. Таракай отыскал свободный от мебели участок стены и сел напротив, глядя в одну точку.

В часы медитации Таракай обычно молчал. Но в этой квартире, спустя какое-то время, произнёс:

– Пять – ноль.

Продолжая медитировать дальше, Таракай общил:

– Пять – один в пользу португальцев. А шведы, эти жидконогие северяне, стараются изо всех сил, но у них ничего не получается!

Хозяйева квартиры готовили завтрак на кухне. Услышав эти слова, они удивлённо переглянулись и приготовились слушать дальше.

И тут застучал мельхиоровой крышкой чайник,

поставленный на огонь. Оконная штора вздрогнула от сквозняка и разбросала свои нарисованные ромашки по воздуху. В стене, оштукатуренной недавно строителями, заговорили кирпичи... Да, да: именно заговорили, как это случается в сказке, воспевающей чудеса! Жизнь, окружавшая хозяев, развернулась необычайно широко, затронув соседние миры... Хозяева с удивлением смотрели вокруг себя, не узнавая окружающее!

А ближе к обеду, когда Таракай уже покинул их квартиру, хозяева узнали, что в это утро состоялся футбольный матч между Португалией и Швецией. И за стеной, возле которой совершал свою утреннюю медитацию Таракай, работал телевизор.

Как рисовать медведя

Таракаю заказали нарисовать медведя, стоящего на задних лапах в лесу, возле могучего кедра.

Таракай, ни разу не видевший медведя, лишился по этому случаю сна. От долгого отсутствия аппетита живот его стал, как сдувшийся мяч. На щеках появились морщины, а глаза... Впрочем, лучше о них не вспоминать! Его глаза, и без того смотревшие по-азиатски, превратились в узкую щель. Из них ушла весна, и влага подступила к ресницам. Необходимо было что-то решать, и Таракай стал собираться в дорогу.

Чтобы представить себе медведя, Таракай, находившийся в Уймонской долине, поднялся на Теректинский хребет. И целый день, заложив руки за голову, ходил среди каменных нагромождений и рычал: «Ву-у-у, ву-у-у».

Утром, желая закрепить образ медведя, подска-

занный ему крепким сном, Таракай продолжал имитировать его походку и голос.

– Ву-у-у! – кричал Таракай, прислушиваясь к эху. Раздвигая своим плащом ключья водянистого тумана, словно он плыл по реке.

И тут из тумана послышалось ответное: «Ву-у-у!»

– Это сказал не я, – заметил Таракай, чувствуя, как побежали по всему его телу мурашки. – Значит...

Когда показался медведь, Таракай продолжал идти и кричать «ву-у-у!», с опаской поглядывая на зверя.

Высунув свой язык, медведь с любопытством разглядывал Таракаю. Что-то мешало ему распознать в нём человека. Человек, по опыту медведя, напоминал своей речью птицу, а этот рычал как медведь. Но куда, в таком случае, подевалась шерсть на его теле? «Возможно, он побывал в лесном пожаре», – успокоил себя медведь. Рывкнул ответное «ву-у-у!» и скрылся в тумане.

Оставшись один, Таракай присел на камень. Вытер пот, стекавший ему за воротник. Погладил колени, которые всё ещё тряслись, и сообщил:

– Уж если медведь принял меня за медведя, то люди наверняка поверят моему перу!

И достав из заплечной котомки бумажный лист, умелой рукой нарисовал медведя.

Реализованный Бугда

Таракай, прибывший в город Улан-Удэ автостопом, выглядел не совсем обычно. Куртка его поменяла цвет, вся покрывшись пылью. Загар превратил его в африканца с шоколадным лицом. Ну, если не в африканца, то хотя бы в сирийца, имевшего лицо цвета какао. А башмаки сделали то, что Таракай и не ожидал. Один из них открыл от удивления рот, показывая носок, похожий на язык коровы. Его поведение можно было понять. Ведь ботинок прошёл путь от Алтая до Улан-Удэ! Правда, его везли и на машине, но баловали этим не так уж и часто.

Таракай прибыл в Улан-Удэ с желанием выучиться на ламу в престижном для него заведении. Им был Буддийский институт, находившийся при Иволгинском дацане. Но в пути заболел ветрянкой, и всё пошло наперекосяк. К ветрянке добавилась тоска, к тоске – несварение желудка. В результате всех

этих бед Таракай попал в областную больницу, в палату №6, носившую и в номере, и во всём остальном какой-то чеховский оттенок. Но, слава Богу, благодаря стараниям врачей поправил своё здоровье. И выписался из больницы через пару недель.

В первую ночь Таракаю, по причине отсутствия у него денег, пришлось ночевать не в гостинице, а на автобусной остановке. На деревянной скамейке, отшлифованной до блеска людьми, ожидавшими прибытие автобуса.

Утром Таракай разбудил разговор двух мужчин, касавшийся его персоны.

– Смотри-ка, бомж! – поведал один из них, указывая пальцем на Таракаю. – Давай, продадим его Дондокову Баиру, которому нужна рабочая сила. Я слышал, он хорошо платит за доставку бомжей!

Второй мужчина, в халате и войлочной шапке на голове, какую носят степные кочевники, согласился. И неизвестно чем закончилась бы эта история, если бы к остановке, сверкая свежесмытыми стёклами, не подъехал автобус. Из него вышла толпа очкариков из интерната для слабовидящих детей, и Таракай, смешавшись с ними и потерявшись в толпе, проник в автобус.

Трогаясь с места, автобус окутал остановку клубами густого дыма. И Таракай, как только дым рассеялся, показал фигу своим врагам.

На душе у Таракай, как говорится, скребли кошки. Помимо того, что хотелось пить, он чувство-

вал обиду за то, что его приняли за бомжа – ничёмного на этом свете человека. И даже хотели продать его в рабство какому-то богатому, по всей видимости, буряту!

Автобус же тем временем, обкатывая недавно положенный асфальт, вёз Таракая в Иволгинский дацан – резиденцию Хамбо ламы, главы буддистов России.

Приехав в дацан и покормив голубей, которых обычно кормили семечками, своей улыбкой, Таракай осмотрел все его достопримечательности. И вышел через главные ворота, выкрашенные в яркие цвета.

Неподалёку, на освещённом солнцем месте, Таракай увидел группу туристов, прибывших из Японии. Имея в своём составе двенадцать человек, эта группа сидела на траве, которую не успели ещё съесть местные коровы, и медитировала. И Таракая, давно уже изучавшего буддийскую философию и регулярно проводившего по утрам медитацию, потянуло к ним.

Таракай подошёл к японцам, которые сидели с закрытыми глазами и покачивали в такт головой, и сел с ними рядом. Вскоре и он погрузился в медитацию, и состояние сумятицы и обиды от утреннего происшествия покинуло его. Таракая окутало светом, и глубокий покой поселился в его душе, измученной житейскими невзгодами.

Сколько прошло времени с тех пор, как Тара-

кай погрузился в медитацию, определить было трудно. Время в таком состоянии течёт, не подвластное уму. То стоит на одном месте как Александрийская колонна, то скакнёт в сторону как испуганный лошак, а то и вовсе исчезнет. Поэтому мы пропустим этот разговор и перейдём к следующему событию.

Событие это заключается в том, что японцы, закончив медитацию на траве, открыли глаза и с удивлением увидели сидящего перед ними незнакомца. Его длинные волосы, блестевшие смолой, высокий лоб, выдававший восточного мыслителя, и улыбка блаженства привели японцев в полный восторг.

– Будда! Реализованный Будда! – слышалось отовсюду. – Смотрите, мы добились, наконец, чести видеть лик самого Благословенного!

И Таракай, услышав эти слова, воспрянул духом. И подумал про себя: «То, как тебя встречают люди, понять легко. Будда ты или бомж в глазах людей, зависит от того, в каком состоянии находится твоё сознание».

И вспомнив утреннюю историю, Таракай улыбнулся и простил тех людей, которые пытались продать его в рабство.

Ээзи и её ласковое пенье

В селе Ак-Коба, расположенном в Уймонской долине, проживал старый приятель Таракая. Он-то и дал Таракаю коня, то и дело фыркавшего своей фетровой ноздрей и косившего глазом на человека.

Конь был колхозный, монгольской породы, умевший карабкаться по кручам не хуже марала и кабарги. Имея такого коня, Таракай чувствовал себя героем. И обойдя его несколько раз, решил подняться на Теректинский хребет, чтобы увидеть долину с птичьего полёта.

Стоял июль, пахнувший душицей, и под камнями, лежавшими в красивом беспорядке, пели земляные лягушки. После долгого пути Таракай захотел пить и направил коня к роднику, о существовании которого знал из рассказов местных жителей.

Таракай проехал кедровую рощу и ольху, стояв-

шую отдельно, возле которой белели кости животного. И вскоре услышал журчание ручья, приятное для слуха. Таракай спешился и направился вверх, по его течению.

Солнечные лучи ударились в скалу, внезапно преградившую путь Таракаю, и разлетались по сторонам теплом, ласкавшим душу. От них возникало воздушное течение, и облако мошек, уже не раз пытавшееся напасть на Таракаю, сносило в сторону. Но вот, наконец, показались и камни, из-под которых бил родник!

Таракай упал на колени, желая испытать дары земли. И тут же поднялся с колотившимся в груди сердцем, увидев в воде отражение девушки!

Она стояла за его спиной, играя своими чёрными глазами. Бёдра незнакомки обтягивали джинсы цвета речной волны, а на футболку с эмблемой «adidas» спадали длинные косы.

Таракай спросил незнакомку:

– Ты кто?

– Я – Ээзи, дух этого родника, – ответила ласковым голосом девушка.

В памяти Таракаю заработала счётная машинка. Мелькнули годы, проведённые в интернате, когда он пропадал в библиотеке по целым дням, изучая быт Алтая. Шаманские обряды, обычаи охотников и просто хозяйственную жизнь...

– А где же твои национальные одежды? – спро-

сил девушку Таракай. – Я много раз видел твоё изображение у художников, и нужно заметить, ты сильно отличаешься от него!

Ээзи взмахнула своими косами, и в воздухе послышался свист. Так свистит плётка наездника, подгоняя уставшего коня.

– Вы, люди, большие эгоисты, – заметила она. – У вас компьютеры, телефоны, машины и многое другое. А что имеем мы, природные духи? Одну традицию, и только! Нельзя показаться в джинсах человеку, иметь при себе сотовый телефон... Самая настоящая дискриминация!

И Таракай, и девушка замолчали. Таракай погрузился в нежное пенье родника, а заодно и в свои мысли, выбитые случившимся из привычной колеи...

Мысли окружили его плотным кольцом как стрекозы, и вскоре в их коллективе запела птичка с тоненьким хвостиком, жёлтой грудкой и красным хохолком на голове.

«Батыр, не трать время зря, – пела диковинная птичка. – Сажай девушку на коня и вези её к людям. Человек ли она, природный ли дух – не всё ли равно? Ты одинок в этом мире, и девушка украсит твои дни!»

Таракай вытер пот, мешавший ему видеть окружающее. И посадив девушку на коня, стал спускаться в долину.

*

Колхозная собственность, играя гривой и зрачком, везла Таракая по долине. Сидевшая сзади Ээзи боязливо держалась за него. Так держатся дети за отца, впервые севшие на лошадь. Так ощущает красоту распутившихся одуванчиков старуха, понимая, что распустились они в её жизни в последний раз!

Таракай, ехавший среди дымившихся аилов, выглядел счастливецом. К нему подбегали алтайцы, брали коня за узду и спрашивали, кивая на девушку:

– Это кто?

– Моя жена, – важно отвечал Таракай и ехал дальше. Поскольку у Таракая не было своего аила, он ехал по дороге, никуда не сворачивая.

К обеду мышцы Таракая обмякли, и огненные зайчики стали перебегать ему дорогу. Труден земной путь, и счастье иногда забирает столько же земной силы, сколько и беда. Как бы там ни было, а поглядев на солнце, светившее в своём зените, Таракай решил отдохнуть.

Неподалёку росла берёза, распутившая свои русалочьи косы до земли. В её тени Таракай и решил остановиться. Он прилёг на траву и попросил Ээзи петь ему ласковые песни.

*

Таракаю снилась радуга. Совсем не такая, какой она выглядит в жизни. На лёгком праздничном колесе сидели дочери алтайского бога Кудая, болтая своими стройными ножками. Они кидались в людей, проходивших мимо, то майским жуком, то стрекозой. И весело при этом смеялись, не забывая пощекотать за брюшко пролетавшее мимо облако.

А когда Таракай проснулся, Ээзи рядом не было. Вместо неё бежал родник, неизвестно откуда взявшийся, и пел её голосом песни.

– Ээзи, – закричал Таракай, чувствуя, как сильно похолодели его руки, – вернись. Я буду тебе хорошим мужем!

Ему ответило эхо.

Ээзи не было и за кустом смородины, росшим неподалёку, и в ближайшем буераке. И Таракай сел на коня и поскакал в горы. Клапаны его сердца стучали, словно поршни у мотора, не успевая пропускать кипевшую в жилах кровь.

*

Вот и родник в кедровой роще, возле которого Таракай впервые увидел Ээзи. Вернее, русло родника, по которому ещё утром бежала вода. Оно успело уже обсохнуть, и грустно глядело на него. Так гля-

дит свежерытая могила, готовая поглотить всё, что было так дорого тебе, и унести с собою!

Угрюмая тишина наполняла воздух, и тень, бегущая от ели, колола Таракая как копьё. Чёрные бабочки кружились вокруг него, чёрное солнце заходило за гору. И лишь на ветвях ближайшего дерева пела какая-то птичка, подражая журчанью родника.

Щет пророка в своём отечестве

У себя на родине, в Республике Алтай, творчество Таракая долгое время не признавали. То стиль, видите ли, не тот, то село на его рисунке висит вверх ногами, то диплома об окончании художественного училища не хватает ему, чтобы пройти на очередную выставку художников!

Однажды в Вену, утопавшую в весенних магнолиях и пестревшую кафе, где можно было выпить чашку ароматного кофе, приехала делегация из Горно-Алтайска. То были чиновники из Правительства, взиравшие своими азиатскими глазами на прелести европейской цивилизации. На третий день пребывания в столице, после посещения главных достопримечательностей города, чиновникам предложили посмотреть выставку рисунков их земляка.

– Земляка?.. Без нашего ведома?.. Может ли быть такое?..

Чиновники подумали, что им неточно перевели с немецкого языка, и переспросили.

– Да, да, именно вашего земляка: художника Таракая!

Отказаться было нельзя, да и любопытство не давало покоя. И вскоре чиновники уже рассматривали рисунки алтайских гор, вершины которых напоминали голову человека, аилы были распилены пополам, и ближайшая к зрителю половина отсутствовала, а в небе летали НЛО, духи, похожие на дельфинов, и сам художник. Рисунки были необычными, и чиновники, привыкшие смотреть на мир правильными глазами, не знали, что сказать.

– Нарисовано с чувством, хотя и выглядит пикантно, – говорили чиновники, поскольку нужно было что-то сказать.

– Ух, какой нос! Да это и не нос вовсе, а подводная лодка, плывущая по Телецкому озеру!

– Персонажи картин пьяны, но симпатичны. Будто бы наш председатель Правительства устроил свадьбу своей дочке, пригласив чудесным образом весь Алтай!

– Вы говорите, Таракай – гений?

– Да, конечно, все картинные галереи Сибири закупают его работы, мы в курсе этих событий, – неслось отовсюду на алтайском языке.

И когда чиновники, налюбовавшись красотами Дуная, наслушавшись песен уличных музыкантов и

посетив самые престижные рестораны и кафе, вернулись к себе на родину, на автобусных остановках Горно-Алтайска появилось объявление:

Персональная выставка художника Таракая

А в республиканском Союзе художников мэтры, известные в узком кругу, пили чай, обсуждая последние новости изобразительного искусства. И говорили про Таракая, пуская кольцами табачный дым:

– Этот бродяга пришёл к нам через служебный вход!

Звонок Хану Алтая

Таракай переживал чёрную полосу в своей жизни. Сельчане, которых он навещал в своих странствиях, не слишком охотно его угощали, и девушки в нарядных платьях, водившие по вечерам хороводы у берёзы, не слишком приветливо улыбались ему.

Очередная ночь застала Таракаю в горах.

Костёр, поедая хворост, потрескивал, словно жаловался на свою судьбу, и ветер, пытаясь протиснуться между скал, возле которых наш герой остановился, скулил как щенок, оставленный мамкой без молока.

– И почему мне так не везёт? – вздыхал с печальной улыбкой Таракай, перебирая свою шелковистую бородку. – Не потому ли, что я слишком надеюсь на людей и забываю про Хозяина гор – Хана Алтая, способного дать человеку всё, что ему необходимо?

Алтайские звёзды, размером с кулачок новорождённого ребёнка, выглядывали из-за горы с нескрываемым любопытством. Словно они желали узнать: а что же делает Таракай? А тот доставал из

кармана своих штанов, которым давно уже пришло время украсить чучело на огороде, сотовый телефон.

– Знать бы мне номер Хана Алтая! – грустно заметил Таракай, заглядывая в умную технику. – Я бы Ему позвонил, рассказал о сегодняшних нуждах, и Хан Алтая непременно бы мне помог...

С этой мыслью Таракай и уснул, укрывшись поверх своего плаща тенью, которую отбрасывал куст боярышника, освещённый луной.

А утром, едва открыв глаза, наш герой потянулся к дорожной сумке. Достал карандаш, записную книжку, которая от старости почти развалилась пополам, и записал: 8-913-695-... И, прижав телефон к груди, как прижимает мать своего ребёнка, произнёс:

– Батюшка лес, матушка тёмная вершина! Неужели я буду говорить сейчас с Ханом Алтая?..

И набрал номер, который увидел во сне.

Послышался мягкий женский голос.

– Это кто? – спросил Таракай.

– Надежда.

– Какая Надежда? Которая живёт в Горно-Алтайске или в Онгудае? – уточнил Таракай.

Голос сделался металлическим.

– Вот видишь, ты меня забыл! А я тебя ждала. Спрашивала и луну, и звёзды, когда же ты придёшь?.. Не звони мне больше!

Послышались гудки... Таракай смутился.

– Быть может, я набрал не ту цифру? Попробую ещё раз...

Хриплый мужской голос сообщил:

– Привет, старина! Нет ли у тебя 100 рублей на арачку? Тут бабка по соседству продаёт... Если есть – заходи!

И снова слышались гудки... Таракай заволновался.

– Что-то идёт не так. Позвоню в последний раз...

Детский голос, отдаваясь в душе Таракай сладкой горечью воспоминаний, сообщил:

– Папа, я соскучился о тебе! Ты обещал научить меня ездить на коне. А ещё обещал сообщить, как зовут звёзды... Папа... Папа...

И голос в телефоне прервался.

Чувствуя тяжесть на душе, Таракай собрал свои пожитки и через пару часов был уже в ближайшем селе.

На территории леспромхоза, где повсюду стояли пустые бочки из-под солярки, Таракай встретил своего приятеля, тракториста Ивана. И вскоре уже пил с ним водку на берегу реки.

Тягостное ожидание стояло в воздухе. Так стоит попрошайка перед столом, заполненным яствами. И чтобы его отогнать, Таракай рассказал приятелю всё, что случилось с ним утром.

Иван не читал философских книг, пылившихся на полках районной библиотеки, но любил пофилосо-

софствовать на досуге. Закусив очередную рюмку хлебом, посыпанным солью, он сообщил:

– То были его секретари. Таких, как ты, у Хана Алтая много. Поэтому секретари и ведут переговоры вместо него!

Таракай с таким мнением не согласился. И рассердившись почему-то на Ивана, поспешил оставить его на берегу, вместе с недопитым зельем.

*

Таракай шёл вдоль реки, раздвигая своим плащом быстро сгущавшийся сумрак. Согнувшись так, словно нёс мешок, наполненный картошкой.

Вскоре из-за горы показалась луна, словно бы вымытая в бане к светлому летнему празднику. И Таракай, обладавший острым зрением, заметил рядом с ней звёздочку. Она ласкала Таракаю своими зеленовато-бледными лучами, словно пытаясь утешить его.

– Не ласкай меня: я плохой! – попросил Таракай звёздочку и погрозил ей зачем-то кулаком.

Звёздочка не ответила. Попав в воздушную пелену, она расплескала тонкий светящийся шарф, соединив им небо с землёю. Таракай вытер рукавом пот, стекавший за воротник его куртки, и увидел: по шарфу, как по дорожке, спускались знакомые ему люди, живые и уже покинувшие этот мир, сверкая своими прозрачными телами!

Знакомые были самыми разными людьми, делавшими Таракаю и плохо, и хорошо. Винить их было нельзя, поскольку и наш герой поступал с ними так же. Таракай ткнул пальцем в знакомого, который первым приблизился к нему, и палец прошёл сквозь него, как сквозь воду. Другой знакомый, как показала проверка, оказался ещё более прозрачным...

Таракай вдруг осознал, что нужно пригласить всех знакомых ему людей в гости, накрыв им стол в своём сердце. И когда такое событие произошло, сердечная боль, мучившая с утра Таракая, отпустила его.

В ближайшем лесу прокричала три раза птица. Хрустнула ветка под лапами зверя – возможно, медведя, идущего на водопой. Бегущая мимо вода дробила луну на осколки, а после снова собирала её. Тишина, которую Таракай всегда представлял в виде женской газовой косынки, накрыла Алтайские горы, со всеми их сёлами и долинами...

– Спасибо, звёздочка, за подарок! – поблагодарил Таракай, впервые за этот день ощутивший, как пахнет лесная трава. – Теперь я знаю, как следует поступить...

И достав сотовый телефон, Таракай стёр из его памяти номер Хана Алтая.

Шляпа Таракая

Таракай был бродягой не по судьбе, которая порой так сурово обходится с человеком, а по своему любопытству. Желание знать больше, чем знает осёдлый человек, досталось ему от предков, кочевавших со стадами своих овец по всей Азии. И потому дома у Таракая не было совсем, как не бывает его у полуночных звёзд, сверкающих на небе.

Жизнь бродяги подчинена ветру, но ветру особому. Дующему изнутри, поющему свободу. А в доме, даже в самом просторном, живут лишь сквозняки. Внутренний ветер рождается в душе человека, и его невозможно унять. Каждый листок, упавший с дерева, превращает он в письмо от возлюбленной, каждую птицу, парящую в небе, – в весточку от богов!

Да: дома у Таракая не было и быть не могло. Зато шляпа, которая защищала бы от дождя и солн-

ца, была ему просто необходима. И потому, когда поклонники творчества Таракая решили изготовить ему шляпу, они попали в цель!

Картон, пропитанный олифой, швы, проложенные шёлковой нитью, и чёрный лак придали шляпе свойства не только практичности, но и красоты. Эдаким американским ковбоем, поменявшим пустынные прерии на Алтайские горы, выглядел в этой шляпе Таракай. Да так оно и было на самом деле, если забыть про коня. Ведь Таракай ходил по Алтаю пешком, навьючив на спину этюдник. Он и сам был конём, резвящимся на свободе. Впрочем, и так сказать будет не совсем верно. Скорее, Таракай летал на Пегасе – придуманном греками коне!

Шляпа была с довольно широкими полями. Она была в самый раз для работы на открытом воздухе, но мала для того, чтоб под ней отдохнуть. И когда я поведал Таракаю о том, что неплохо было бы увеличить поля у шляпы, он со мной согласился.

– Не переживай, – сообщил Таракай, увидев мои беспокойства. – Духи нам помогут!

Вскоре я стал замечать, что шляпа Таракая стала меняться. Её поля росли, как тени у деревьев, и вскоре достигли размеров, сравнимых с размерами человека.

Весь день мы провели в лесу, под старым кедром, где я писал свои рассказы, а Таракай рисовал тушью и пером.

Закончив рисовать, Таракай поднял с земли сухую ветку, заострил её с одной стороны перочинным ножом и воткнул в землю. То же самое он проделал и со второй, и с третьей веткой, втыкая их по кругу. Воткнув шестую и последнюю ветку в землю, Таракай водрузил на эту конструкцию свою шляпу и сообщил:

– Избушка готова!

И предложил мне устроиться под шляпой на ночлег.

– Но уместимся ли мы оба? – засомневался я, залезая под шляпу на четвереньках.

– Ты что, не веришь духам? – удивился Таракай. – Залезай поглубже, и сам увидишь, что будет!

Под шляпой было темно, поскольку солнце уже успело зайти за ближайшую гору. Но в дальнем её конце виднелся просвет, манивший к себе какими-то яркими пятнами. Я полез к этому просвету и к удивлению своему увидел аил, сооружённый из жердей и шкур животных. Желание побывать в нём настолько сильно овладело мной, что я вылез из-под шляпы и пошёл к этому аилу. Облако бабочек, неизвестно откуда взявшихся в эту пору, сопровождало меня в пути.

В аиле горел огонь, но людей не было видно. В котле, висевшем на треножнике, варилось мясо, а возле стены приятно поплёскивал ворох сена, предназначенного для отдыха и сна.

Следом за мной вошёл Таракай и внимательно осмотрел внутренность аила.

– Славный ночлег устроили нам духи! – заметил он. – Шляпа – это дверь, ведущая в их владения. Всё, что ты видишь вокруг себя, я с лёгким сердцем нарисовал сегодня!

Отдохнули мы в эту ночь, как нельзя лучше. На рассвете я вышел покурить, и случайно задев за ветку кедра, увидел шляпу Таракая. Она лежала на том же месте, куда положил её вчера Таракай, и выглядела как летательный аппарат пришельцев.

Шляпа, без сомнения, была чудом бытия. Существование шляпы удивляло и могло вдохновить человека на многие технические решения. Но в то памятное утро шляпа не интересовала меня. А что действительно меня интересовало, находилось на расстоянии руки. Оно пребывало в человеке по имени Таракай, наделённом талантом художника, и могло дарить пищу, ночлег и многое другое. Например, Алтайские горы как обитель счастливой жизни человека, и небо как крышу над головой.